

Проф. К. М. Колобова ·

ВОЙКЕИ НА КРИТЕ

Вопрос о войкеях критского города Гортиньи еще не может считаться разрешенным. В существующей научной литературе войкеев обычно рассматривают либо как рабов, либо как крепостных. Однако самый термин «раб» (*δοῦλος*) только со временем, и преимущественно в полисах, основанных на привозном рабстве, получил отчетливое значение как понятие человека, лишенного личной свободы и не имеющего собственности. Еще в 90-х гг. XIX в. А. Мерриэм предположил, что в Г3 термин раб (*δοῦλος*), является самым общим термином, обозначающим разные степени зависимости или угнетения¹. При необходимости точнее определить группу зависимости в Г3 даются специальные определения: *νευκαμένος*, *καταχείμενος*, *ἐνδοσθιδία δοῦλα*, *Folkēus*, *Folkēa*. Кроме того выступают категории: *ἀπέταιρος*, *ἀπελεύθερος*, *περιΦοῖκος* (СВ, № 4990)².

В настоящей статье, не решая окончательно эту трудную проблему, мы пытаемся лишь наметить новые пути к разрешению этого вопроса. Основная мысль, положенная в основу работы, это мысль о значительном разнообразии форм угнетения в греческих государствах; эти формы угнетения не были стабильными, но изменялись в ходе исторического развития древних обществ, начиная от периода патриархально-родового строя и до времен эллинизма, а позже — Римской империи.

В этом отношении характерен пример, приводимый проф. С. Я. Лурье (со ссылкой на Вентриса), о *δοῦλοι τοῦ κοινοῦ* Команы, которые имели своих рабов и были правомочны совершать лично гражданские сделки³.

Не беря на себя задачи рассмотрения всех категорий порабощаемых или угнетаемых социальных групп Гортиньи, мы ограничиваем рамки исследования лишь вопросами, касающимися войкеев.

Виллетс⁴ правильно подчеркивает, что система штрафов разной величины Гортинских законов отражает юридическое положение различных социальных групп Гортиньи:

¹ AJA, I, 1885, стр. 343.

² Ср. H. v. Effentegge, La Crète et le monde grec de Platon à Polybe, P., 1948, стр. 91 сл.

³ ВДИ, 1948, № 3, стр. 208; 1955, № 3, стр. 32, прим. 1.

⁴ R. F. Willets, Aristocratic society in ancient Crete, L., 1955, стр. 33—34.

Штрафы за насилие

1. Против свободного	100 статеров
2. Против апетера	10 статеров
3. Δῆλος против свободного	200 статеров
4. Свободный против войкея	5 драхм (= 2,5 статера)
5. Войкея против войкея	5 статеров
6. Против домашней рабыни, являющейся девственницей	2 статера
7. Против женщины—домашней рабыни	1—2 обола

Штрафы за прелюбодеяние

1. Со свободной женщиной	50 и 100 статеров
2. С женой апетера	10 статеров
3. Раба со свободной	100 и 200 статеров
4. Раба с рабыней (δῆλος)	5 статеров

Самой низшей социальной группой, согласно этой системе штрафов, являются домашние рабыни¹, далее идут войкеи (свободный уплачивает штраф за оскорбление войкеи или войкея лишь на 1 драхму больше, чем за домашнюю рабыню); штраф за оскорбление апетера в два раза выше, чем штраф за оскорбление войкея (10 и 5 статеров), а в некоторых случаях разница увеличивается в 4 раза (2,5 статера и 10 статеров). Бросается в глаза резкое различие между штрафами за оскорбление свободных полноправных граждан и лиц остальных категорий.

При этом, однако, следует отметить, что самая система наказания штрафами, которые уплачиваются и δῆλοι и Φοικέες, уже предполагает у них наличие движимого имущества, так как в данном случае за них не выступает кто-либо из свободных в качестве ответчика².

Право войкеев на владение имуществом закреплено и в законе о праве наследования имущества сыновьями и дочерьми покойного: «И если кто-нибудь умрет, то дома (στέγαι), что в городе, и то, что находится в домах, в которых не живет войкеи, живущий на хόρα, и мелкий и крупный рогатый скот, который не находится у войкея (ὅς καὶ μὲν Φοικέος εἴ), должны принадлежать сыновьям, а остальное имущество разделить справедливо, и получить сыновьям, которые имеются, две доли каждому, а дочерям, которые есть, две доли каждой»³.

Таким образом, имущество родителей при их жизни разделу не подлежит, а после их смерти разделу подлежит только часть имущества. В общее наследование сыновей переходят дома в городе и вся обстановка этих домов, а также крупный и мелкий рогатый скот, составляющий частную собственность семьи. Дома же, в которых живут войкеи, и скот войкеев не подлежат внутрисемейному праву наследования.

На основании этого закона мы можем притти к некоторым выводам. 1) Дома в городе, составляя общесемейную собственность, не подлежат разделу между сыновьями, составляя их общесемейное владение⁴. 2) Стада крупного и мелкого рогатого скота также являются неразделенной собственностью сыновей. На это обстоятельство уже обратил внимание

¹ Низкий штраф определен при повторном насилии.

² В Афинах, например, раб расплачивался ударами бича, приравненными к драхме.

³ ИСр, IV, № 72: IV, 31 — 48: СВ, III, 2, № 4991. Далее следует: «Делить и материнское (имущество), если мать умрет, как и отцовское. А если (движимого) имущества нет, но только дом, дочерям наследовать, как написано».

⁴ Это подтверждается и другим свидетельством Г3 (IV, 21—23), где говорится о пастах братьев незамужней войкеи, у которых должен находиться ее ребенок, в случае смерти ее отца.

Цительман, предположив, что эти стада пасутся не на землях, обрабатываемых войкесами, а на общественных пастищах¹.

Различные толкования вызывают строки надписи, касающиеся наследования сыновьями домов, в которых не живут войкес: (σ)τέγανς μὲν τὸν ἐν πόλι
καὶ ἄπει τοῖς (σ)τέγανς ἐνεῖ, αἱς καὶ μὲν Φοίκευς ἐν Φοίκει ἐπὶ κόραι Φοίκιδν... (Г3, IV, 32—35).

Поскольку обычно термин Φοίκευς производится от οἶκος «дом», и сам Φοίκευς понимается как «домашний раб» (лат. *filius*)², постольку некоторые ученые полагают, что «войкей, живущий на хόρе», является исключением, так как войкей, как домашние рабы, живут обычно «в домах, что находятся в городе», и что именно поэтому в гортинском законе и сделана оговорка — $\epsilon\pi\iota\kappa\alpha\iota\Phiοίκιδν$, имеющая в виду войкеев, которые, в виде исключения, состоят не при доме, но обрабатывают землю³. Виллетс допускает, что «сервы», обрабатывавшие поместья, расположенные вблизи города, могли иметь жилище в городе⁴. Гвардуччи полагает, что войкес могли иметь жилище и в сельской местности и в городе, чтобы в городе продавать сельскохозяйственные продукты и посвящать зимнее время каким-либо сельскохозяйственным работам⁵.

По нашему мнению, спорный текст должен быть переведен буквально: «(в домах), в которых не живет войкей, живущий на земле»⁶, т. е. в домах, находящихся в городе, войкей, как правило, вообще не живут. Оговорка о войкеях в гортинском кодексе была, по нашему мнению, совершенно необходима, так как речь здесь идет о разграничении собственности, совместно наследуемой сыновьями, от собственности, которую они наследуют на правах семейно-родового владения.

Понимая выражение Φοίκευς... $\epsilon\pi\iota\kappa\alpha\iota\Phiοίκιδν$, как стандартную формулировку οἱ Φοίκεες οἱ $\epsilon\pi\iota\kappa\alpha\iota\Phiοίκεουτες$, мы не можем не сопоставить ее с другой, такой же стандартной формулировкой гортинских законов: οἱ $\epsilon\mu\piόλι\Phiοίκιουτες$ οἱ [$\tau'\epsilon\lambda]$ ευθέροι καὶ οἱ [$\delta\tilde{o}\lambda$]οι или οἱ [$\tau'\alpha\pi\epsilon\lambda]$ ευθέροι καὶ οἱ [$\delta\tilde{o}\lambda$]οι, т. е. свободные (или — вольноотпущенники?) и рабы, живущие в городе⁷.

Обращает на себя внимание и то, что термин στέγα обычно употребляется в применении к городскому дому, а сельские жилища преимущественно называются Φοίκιαι⁸.

Так же следует понимать и разграничение в Г3 мелкого и крупного

¹ Fr. B ü c h e l e r u. E. Z i t e l m a n n, Das Recht von Gortyn, RhM, 40, N. F., Ergänzungsh. (1885), стр. 139—140.

² Этот взгляд является общераспространенным; из советских ученых его разделяют Я. А. Л е н ц м а н (ВДИ, 1951, № 2, стр. 52), Л. Н. К а з а м а н о в а (ВДИ, 1952, № 3, стр. 33).

³ Ср. G. B u s o l t, Griechische Staatskunde³, I, München, 1920, стр. 285—286, прим. 1 и 2 к стр. 286. E. K i r s t e n, Die Insel Kreta im fünften u. vierten Jhdts., Würzburg, 1936, стр. 98 сл., возражая против этого, предлагает производить слово Φοίκευς от слова οἶκος в значении «имущества» (стр. 98, прим. 67). Полемизируя с Бузольтом, Кирстен правильно замечает, что добавление $\epsilon\pi\iota\kappa\alpha\iota$ сделано лишь для того, чтобы выделить местожительство войкеса из στέγα $\epsilon\mu\piόλει$.

⁴ W i l l e t s, ук. соч., стр. 49, прим. 4.

⁵ ICr, IV, 1950, стр. 158.

⁶ Именно так переводит это место и Бак: «which are not occupied by a serf residing in the country» (C. D. B u c k, The Greek dialects², Chicago, 1955).

⁷ Ср. ICr, IV, № 79 и 144; первое издание этих надписей с подробным комментарием см. M. G u a r d u c c i, «Rivista del R. Ist. d'Archeologia e storia dell'arte», III (1931), стр. 21 сл.

⁸ Ср. B ü c h e l e r u. Z i t e l m a n n, ук. соч., стр. 138 и прим. 20. Уже Цительман предполагал, что στέγα в Г3 — не просто дом, как недвижимость, но дом, как центр данного рода или семьи. Поэтому он считал, что в определение $\epsilon\mu\pi\tau\alpha\iota\sigma$ (σ)τέγανς $\epsilon\mu\pi\tau\alpha\iota\sigma$ включены также и домашние (городские) рабы, что нам кажется не лишним основанием.

рогатого скота, являющегося собственностью семьи, от скота, принадлежащего войкам.

Гортинские надписи, одновременные Г3, свидетельствуют о существовании частной собственности на землю, купли-продажи и аренды земли. Так например, упоминание ὁ ἀρχαῖος πάστας как собственника земельного участка, сданного им в аренду вместе с рабами (βοῦλοι) (ICr, IV, № 47, 6; СВ, № 4999), предполагает не только наличие частной собственности на землю, но и, в связи с этим, ответственность собственника земли за поведение рабов у арендатора земельного участка. В другой надписи, начало которой не сохранилось, говорится о деревьях (вероятно, фруктовых или масличных) и доме; собственность на них, по-видимому, должны удостоверить девять соседей, собственников близайших земельных участков (τοῦ ὅμόροῦ ἐννέα οἱ ἐπάγχιστα πεπαμένοι — ICr, IV, № 81, 2—3).¹

Эти, к сожалению, немногочисленные надписи свидетельствуют о самом факте наличия частных земельных участков, принадлежащих отдельным гражданам.

В этом отношении характерна и надпись (ICr, IV, № 74; СВ, № 4992), в которой запрещается заклад оружия, ткацкого станка, шерсти, инструментов для ее обработки, железных изделий, плуга, упряжи волов, зерновой меры и обоих мельничных колес. В первой сохранившейся строке подчеркнуто, что оружие свободного, необходимое ему для войны, не подлежит закладу. Можно думать, что и остальные орудия труда и предметы собственности также относятся к имуществу свободного человека. Земля здесь не упомянута, но, поскольку речь идет преимущественно об орудиях труда и предметах собственности, связанных с обработкой земли, она, конечно, также не подлежит закладу². Частная же собственность на землю в первую очередь распространяется не на пахотные, а на приусадебные участки садовой и огородной земли³. Об этом свидетельствует, в частности, сдача в аренду государственных участков садовой земли, расположенных в Кескорах и Палах (ICr, IV, № 43B; СВ, № 5000),

¹ Ср. I. Koechler u. E. Ziebart, Das Stadtrecht von Gortyn, Göttingen, 1912, стр. 35—36, № 5. Ср. противопоставление στέγα и ξουκία. В надписи идег также речь о конфискации городского дома (στέγα), находящегося в закладе, причем большое внимание уделается установлению, в присутствии свидетелей, живет ли в доме сам закладчик или нет, так как это имеет значение для установления его права собственности.

² Обработка шерсти предполагает наличие скота, а мельничные колеса, железные орудия, плуг и упряжь волов — обработку земли, занятой под зерновыми культурами. Земля эта рассматривается, по всей вероятности, как семейно-родовая собственность, почему и предусматривается сохранение всех нужных для ее обработки условий. Смысль этого закона, имевшего место не только на Крите, хорошо поясняется у Диодора: «Многие вполне справедливо порицают большинство элинских законодателей, которые запрещают при займе закладывать оружие, плуг и другое из самых необходимых предметов, а пользующихся этими вещами позволяют уводить за долги (ἀγωγίμος εἶναι)» (Di o d., I, 79; Ср. A r i s t., AP, II). По вопросу о самозакладе и уводе (ср. ἀγωγίμος εἶναι γετο) ср. H. S w o b o d a, «Ztschr. d. Savigny-Stiftung f. Rechtsgeschichte», R. Abt., XXXIX (1905), стр. 214—215; также К. М. К о л о б о в а «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 11/12 стр. 9 сл. Отсутствие права частной собственности на пахотную землю было одним из важнейших условий порабощения свободных сородичей, почему впоследствии этот закон и вызывал справедливые нарекания.

³ Ср. у Энгельса: «Первым земельным участком, перешедшим в частную собственность отдельного лица, была усадебная земля» (К. М а р к с — Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. XV, стр. 632). Наличие в Гортине стойких форм семейно-родовой собственности (ср. нераздельное имущество сыновей и совместное владение в семьях пахотной землей) подтверждает положение о неразрывности форм частного землевладения, при котором владение усадебными участками является лишь начальным периодом развития землевладения на правах собственности. Наличие кабальных (καταχειμένοι), которые при строгих запретах заклада всех ценных предметов и орудий труда вынуждены закладывать за долги свою личность, подтверждает это положение.

продажа которых, как это специально оговаривается, запрещена. Самый факт запрещения государством продажи земли, предназначеннной для сдачи в аренду, бесспорно свидетельствует о наличии частных земельных владений на сады и виноградники, которые могли продаваться их собственниками.

Важно отметить, что во всех перечисленных случаях основные производители везде названы не *Foikées*, а *bōloī*, хотя сельские хижины везде называются *Foikíai*. Это дает основания предполагать, что на этих частновладельческих землях земля обрабатывалась не войкеями, а *bōloī*, т. е., иначе говоря, войкей не находились в частной собственности семьи или отдельных ее представителей.

Тем не менее зависимое положение войкеев отрицать нельзя: в ряде случаев в Г3 понятие *bōloī* применяется и к войкеям; кроме того, как уже отмечалось в литературе, и рабы и войкей в правовом отношении подчинены одному и тому же лицу — пасту, главе и хозяину дома¹.

Наличие семейно-родовой собственности в Гортине, анализ которой необходим для дальнейшего исследования вопроса о войкеях, ярко выступает в законах о праве на наследование имущества различными категориями родственников, связанных с покойным главой семьи (Г3, V, 1 сл.). Устанавливается пять групп наследников, в порядке строгой очередности: 1) дети покойного, его внуки, правнуки; 2) братья покойного, их сыновья и внуки; 3) сестры покойного, их сыновья и сыновья сыновей; 4) «Те, кому надлежит», т. е. имеющие право на наследство по более отдаленному родству: *οῖς κ' ἐπιβάλλεται, ἐπιβάλλονται;* 5) «Те, которые составляют клервойкии»: *ταῖς Foikíais οἵτινες κ' ὄνται ὁ κλῆρος*².

Таким образом, как уже отмечалось в литературе, первые три группы представляют сравнительно узкий круг агнаторов³.

Рассмотрение первых четырех групп наследников ясно показывает, что гортинское право наследования, в первую очередь преследует интересы сохранения имущества внутри каждого данного рода, который ограничен четырьмя поколениями, восходя к отцу покойного и заканчиваясь его правнуками. В случае отсутствия представителей этих четырех поколений, имущество перейдет к более отдаленным родственникам, связанным какой-либо степенью родства или с самим покойным или с его отцом (*ἐπιβάλλονται*). Об этих же интересах сохранения имущества в роде свидетельствует и установление Г3 о дочерях-наследницах (эпиклерах), которые должны вы-

¹ Это утверждение общепринято. В советской литературе см. Л. Н. Казаманова, ВДИ, 1952, № 3, стр. 38.

² О гортинском и аттическом праве наследования см. А. В. Никитский, Речи Исея и Демосфена (литографированное издание), М., 1903; G. De Sanctis, Storia dei Greci dalle origini alla fine del secolo V, т. I, Firenze, 1940, стр. 507—509; M. Guarducci, ICr, IV, 1950, стр. 159 (комментарий к Г3, V, 9—28). Некоторые аналогии с гортинским наследственным правом наблюдаются и в «Законах» Платона, где семьи, вместе с принадлежащей им собственностью, рассматриваются лишь как временные звенья в цепи, охватывающей ряд поколений предков и потомков, как составные части единого рода. «Вы не принадлежите сами себе и ваше имущество не принадлежит вам, но все является собственностью рода вашего, и прежде существовавшего и продолжающего существовать в будущем, а еще более и весь род и его имущество принадлежит полису...» (Plato, Leg., XI, 923, A — B). Поэтому, согласно Платону, отцовский наслед и его оборудование не подлежат разделу, но переходит к одному из сыновей, являющемуся единственным наследником родового имущества и продолжателем родовых традиций своих предков.

³ Де Санктис полагает, что четвертая группа наследников включает всех других родственников по отцу, но стоящих к нему в более отдаленных степенях родства. Считая, что гортинское право игнорирует когнаторов, Де Санктис аргументирует это наличием в гортинском праве раздельного имущества жены и мужа (De Sanctis, ук. соч., стр. 507—508). Об этом см. ниже.

ходить замуж за старшего брата отца, или, если братьев отца нет в живых, то за сына старшего брата отца, затем — за родственников отца и лишь в крайнем случае за члена своей филы (Г3, VII, 15—VIII, 20). Характерно, что эти строгие законы семейно-родового наследования касаются только семейно-родового имущества, так как наряду с этим в гортиинском праве предусматривается возможность приобретения сыновьями своего собственного, лично им принадлежащего имущества, которое они вправе еще при жизни отца и сдавать в аренду и даже продавать (Г3, VI, 2 сл.)¹.

Наибольшую трудность в понимании этого закона представляет вопрос о наследовании имущества покойного, в случае отсутствия прямых родственников отца, вопрос о пятой категории наследников: «те, которые составляют клер войкий».

Цительман (ук. соч., стр. 144) считал, что речь идет здесь о войкеях и что другое понимание этого места исключено. Однако он отказывался объяснить — каково же может быть положение таких Haüsler, оказавшихся без господ.

Шаубе предполагал, что здесь могло иметь место лишь временное наследование и что позже *κλέρος* с войкеями переходил в собственность государства². Однако в таком случае следовало бы предположить, что одна и та же формулировка, применяемая к наследникам — *ἔχεν τὸ κρεματα* —, в одном случае имеет одно значение, в другом — другое.

Липсиус пытался выйти из затруднения, считая, что в понятие *ἐπιβάλλοντες* включены не только родственники, но и все члены филы. Он ссылается при этом на то, что эпиклеры, при отсутствии женихов среди членов своего рода, должна выйти замуж за одного из членов своей филы³. Однако эта аналогия произвольна. Закон специально оговаривает, что эпиклеры может выйти замуж за члена филы только в случае отсутствия *ἐπιβάλλοντες* (Г3, VII, 50—52 и др.). И здесь, и в других строках закона термин *ἐπιβάλλοντες* обозначает тех родственников наследницы, которым, по закону, надлежит жениться на ней в целях сохранения имущества в роде (ср. Г3, VII, 52—54, 54—55; VIII, 8—10).

Кирстен отмечал, что в случае отсутствия наследников имущество переходит к клеру, и поскольку связь с клером параллельна связи с филой, речь не может идти о кларотах как наследниках. Поэтому, по мнению Кирстена, превращение кларотов в земельных собственников невозможно, так как правом на землевладение в полисе пользуются лишь граждане⁴. Кирстен склонен понимать термин *κλέρος* и как коллектив, в который входят граждане, и как совокупность земли, принадлежащей всему коллективу (т.е. государству). Подтверждение этому Кирстен, ссылаясь на Бузольта⁵, видит в *οἰκοι* Карфеи (о. Кеос), которые он считает территориальными округами, подразделениями филы. Однако с таким толкованием надписи согласиться нельзя⁶. В передаче наследства клеру Кирстен

¹ Ср. *πάσεται*; *ἔ ἀπολάχει*; следовательно, сын мог приобрести имущество в частную собственность или посредством покупки, или путем порабощения владельца имущества, или путем личного наследования. Во всех случаях это имущество стоит вне семейно-родовых владений.

² A. Schaube, «Hermes», XXI (1886), стр. 213 сл.

³ H. Lipsius, «Abhandl. d. Phil.-hist. Kl. d. K. Sächs. Gesellsch. d. Wissensch.», II (1904), стр. 396 сл.

⁴ Kirstен, Die Insel Kreta, 138 сл.

⁵ Busolt, ук. соч., стр. 267, прим. 6.

⁶ Ср. IG, XII, 5, № 540: ... μετέχοντας πάντων ὃν καὶ οἱ δῆλοι πολῖται, [καὶ] φυλῆς ἁν βούλωνται καὶ οἴκου. Бузольт, однако, отмечает, что характер этих *οἰκοι* остается неясным. Однако, как нам кажется, правильное понимание этой надписи легко устанавливается по аналогии с одновременными ей надписями той же Карфеи (III—II вв. до н. э.), в которых также речь идет о предоставлении гражданских прав: *μετέχοντας*

видит возвращение наследственной собственности умершего государству, поскольку он понимает клер как название в с е й государственной земли, предоставленной в наследственное пользование гражданам как бы на правах лена. Ощущение родственности граждан друг другу, по его мнению, давно уже исчезло. Поэтому Кирстен считает, что и родовое значение филы в Гортине давно уже было оттеснено на второй план. Фила, по его мнению, сохраняет свое военное значение и одновременно является не родовым, а государственным подразделением граждан (ук. соч., стр. 152—153). Даже γένη на Крите Кирстен объясняет не наличием сохранения родовых пережитков. Указывая, что Аристотель писал о выборе космов на Крите ἐκ τούτων γένων (Arist., Pol., 1272a, 34), Кирстен считает их не родами, восходящими к генеалогии родовой знати, но вторичными образованиями, результатом развития на Крите олигархии, не связанной с какими-либо пережитками или остатками древних родов (ук. соч., стр. 174).

Одновременно с этим Кирстен полагает, что в и д е а л е на Крите не существует частной собственности, но только собственность общины, освобожденной при этом от каких-либо пережитков родовых отношений (там же, стр. 140—141). Таким образом, с одной стороны, он считает, что граждане Гортиньи уже полностью освобождены от родовых институтов и родовых традиций (сисситии он также объясняет как чисто политический и институт), а с другой стороны, признает, что собственность землевладельцев связана собственностью государственной общины и что в идеале частная собственность не существует, хотя фактически имеет место. Понятие войкии в Гортинском праве он вообще игнорирует, ни слова не говоря о ней в своем исследовании.

Однако положение Кирстена, что κλῆρος является обозначением в с е й земли государственной общины, не может быть принято. Клер всегда обозначает ч а с т ь территории и нигде не встречается для обозначения всей совокупности земель, входящих в территорию государства. Искусственность построения Кирстена ясно выражена и в его, оставшемся недоказанным, положении о вторичном образовании γένη, не связанных с родовыми отношениями, хотя бы пережиточно. Самое возникновение γένη в более поздний период, если даже допустить это предположение, прежде всего свидетельствовало бы о живучести родовых традиций, а не об их отсутствии. Развитие чисто территориальных связей землевладельцев и падение уз родства неизбежно связано с развитием частной собственности на землю, с индивидуальным наследованием земли и правом ее личного отчуждения.

Иначе представляет себе передачу наследства клеру М. Гвардуччи, хотя она, так же как и Кирстен, полагает, что именно клер выступает наследником, а не войкия¹. Отсюда неизбежно вытекает необходимость точного определения клера не как земельного надела, но как группы владельцев данного участка земли. И действительно, следуя Де Санктису, Гвардуччи дает новое определение клера: «κλῆρος, однако, были не рабы „относящиеся к имениям“, как бы κλαρεῖαι или οἰκεῖοι, как думали некоторые ученые, но — хозяева имений, составляющих клер вместе с имениями

πάντων ὃν καὶ οἱ ἄλλοι πολὺται, καὶ γῆς ἔγκτησιν καὶ οἴκου εἶχα! (IG, XII, 5, № 528; 534). Конструкция первой надписи ясна: μετέχει φυλῆς καὶ οἴκου.

¹ Связь войкии с ἐπιβάλλοντες Гвардуччи подкрепляет аналогией с законами XII таблиц: «Если умрет без завещания (человек), пусть владеет фамилией ближайший агнат. Если агната нет, пусть (владеют) фамилией сородичи (gentiles)» (Tab. V, 4 сл.). Однако, нет оснований gentiles закона XII таблиц отождествлять с ἐπιβάλλοντες τὰς Φοικίας, поскольку войкия как раз сужает родство до ближайших по родству агнаторов данной большой семьи. Ср. Guarducci, IGr, IV, 1950, стр. 160; формулировка закона XII таблиц: Si adgnatus non escit, gentiles familiam [habento]; формулировка Гвардуччи: Si autem nec ἐπιβάλλοντες familliae exstent, κλῆρος quicunque sint, isti bona habento.

умершего человека» (ICr, IV, стр. 159). Возражая против обычного понимания клера как части территории рода или племени, некогда полученной членами племени или рода по жребию, Гвардуччи полагает, что в данном месте клер следует понимать как «совокупность собственников того района, где находилось недвижимое имущество, которым владел покойный»¹. Это утверждение Де Санктиса, положенное в основу определения Гвардуччи, подкрепляется ссылкой на закон озольских локров о праве наследования луговых и садовых земель, выделенных государством для колонистов. Право на пастище, согласно закону, принадлежит в первую очередь главе семьи и его сыну; если сына нет, то — дочери; если нет дочери, то — брату; если нет брата — ближайшей родне (*χυγιστέδαν*). Далее Виламовиц читал: «Если же нет ближайшей родни, то соседям», участки которых расположены рядом с участком умершего (*τὰς ἐπινόμῳ ὅμιλόν*)². Однако исследование надписи показало, что чтение стоящего в надписи слова ΟΙΩΝ как *ὅμιλον* невозможно³. Таким образом, попытка объяснить *κλῆρος* как совокупность соседей-собственников на основании чтения Виламовица теперь отвергнутого в науке, должна быть признана несостоятельной.

Одновременно вызывает возражение и чтение *οἱ ἐπιβάλλοντες τὰς Φοικίας*, допускаемое некоторыми исследователями. Обратимся к надписи.

— εἰ κ' ἀπ[ο]θάνει ἀνέρ
ἢ γυναικά, αἱ μέν κ' ἔι τέκνα ἐστέκνον τέκνα ἐστούτον τέκνα,
τούτοις ἔκε[n] τὰ κρέματα. — αἱ δέ καὶ μέτις ἔι τούτον, ἀ(α)δελποὶ
δὲ τὸ ἀποθανόντος κέκες ἀδε[λ]πιδον τέκνα ἐστούτον τέκνα,
τούτοις ἔκεν τὰ κρέματα. αἱ δέ καὶ μέτις ἔι τούτον, ἀδενπαι δὲ
τὸ ἀποθανόντος κέκες ταυτοῖν τέκνα ἐστούτον τέκνα, τούτοις
ἔκεν τὰ κρέματα. — αἱ δέ καὶ μέτις ἔι τούτον, οἵτινες κ' ἐπι-
βάλλει ὅπο κ' ἔι τὰ κρέματα, τούτοις ἀναιλέθθαι²⁵. — αἱ δέ μὲν
ἔτεν ἐπιβάλλοντες τὰς φοικίας, οἵτινες κ' ἕδοντι δικλῆρος, τούτοις
ἔκεν τὰ κρέματα. — αἱ δέ καὶ μέτις ἔι ἐπιβάλλοντες οἱ μὲν λεί³⁰δοντι
διτέθθαι τὰ κρέματα, οἱ δὲ μέν δικάσσαι τὸν δικαστὰν ἐπὶ τοι
λείονοι διατέθθαι ἔμεν τὰ κρέματα πάντα, πρίν καὶ δάττονται.

«Если умер муж или жена, то, если есть дети или дети детей или этих (последних) дети, им владеть имуществом. А если никого из этих нет, но (есть) братья умершего или дети братьев или этих (последних) дети, им владеть имуществом; если же из этих никого нет, но есть сестры умершего или их дети или дети детей, им владеть имуществом. Если же из этих никого нет, то тем, кто имеет право (на наследство), когда для этого пред-

¹ De Sanctis, ук. соч., I, стр. 508; M. Guarducci, там же, стр. 160.

² U. v. Wilamowitz-Moellendorf, SPAW, 1927, №№ I — VI.

³ Согласно Пезопулусу, на которого ссылается Bickell, Greek Dialects², № 59, стр. 256 имеющееся в надписи ΟΙΩΝ не позволяет читать его по Виламовицу *ὅμιλον*. Бак предлагает читать это слово как *[όμ]οιδην*, считая, что здесь возможна ошибка резчика. Поэтому он указывает на возможность понимания последней категории наследников как лиц, находящихся в более отдаленном родстве с покойником (ср. Is., XI, 7: *ἔξω τῆς ἀγγιστείας*), оставляя, однако, чтение с вопросительным знаком. Д. И. Георгакас, указывая, что лично им произведенное исследование самой надписи не оставляет сомнений в том, что здесь нет ни пропуска, ни ошибки, предлагает понимать ΟΙΩΝ — ΟΙΩΝ, как аттик. *οἴων*, с чем он сопоставляет значение *οἴος* как *δέ* в послеклассических текстах. Таким образом, он полагает, что эта поздняя форма очень рано отражена в диалектической форме. Его перевод: if not, to the heir from among whomsoever (D. I. Georgakas, Cl. Phil., LI (1956), № 4, стр. 249 сл.).

ставляется возможность, им получить имущество. А если нет имеющих право (на наследство), то тем, которые составляют клер войкии (или „тем из войкии, которые составляют клер“), им владеть имуществом.

Если же имеющие право (на наследство) одни хотят поделить имущество, а другие — нет, то пусть судья присудит находиться имуществу у желающих поделить (его) до тех пор, пока не поделят» (Г3, V, 9—31).

Против указанного выше широко распространенного в науке понимания надписи высказались некоторые крупные эпиграфисты¹, предпочитая связывать οἱ ἐπιβάλλοντες со следующим за ним словом τὰς Φοικίας. Гвардуччи также высказывает за понимание ἐπιβάλλοντες в законе Гортине о наследовании как ἐπιβάλλοντες τὰς Φοικίας. Кроме того Гвардуччи пытается связать последний параграф этого закона о возможности разделения имущества, если среди ἐπιβάλλοντες есть желающие этого раздела, не с ἐπιβάλλοντες, о которых говорится в надписи, а с клером, точнее с хозяевами клера². Однако даже если принять во внимание обычное в науке определение войкии как большой семьи, объединяющей в себе потомков двух, трех и даже четырех поколений одного отца, то окажется, что все члены такой войкии объединены в первых трех группах наследников. Четвертая группа наследников (οἱς κ' ἐπιβάλλει ὅπο κ' ἔι), по-видимому, представляет группу более дальних родственников отца, но одновременно, может быть, и родственников матери, так как в первых трех группах принимались во внимание только ее дети, непосредственно связанные с родом мужа³. Таким образом, если исходить из реального комментария, вызываемого самим текстом надписи, то нам кажется неоправданным понимание четвертой группы наследников, как ἐπιβάλλοντες τὰς Φοικίας (т. е. имеющих право на наследование из членов войкии).

Кроме того эти же ἐπιβάλλοντες упомянуты уже выше (как четвертая категория наследников), причем никакой оговорки, что здесь речь идет не об ἐπιβάλλοντες вообще, а только об ἐπιβάλλοντες τὰς Φοικίας, — нет, так же, как не сделано такой оговорки и в специальном параграфе, посвященном праву ἐπιβάλλοντες требовать раздела между ними полученного наследства. В гортинской надписи ἐπιβάλλοντες (ἐπιβάλλον) является термином, всегда определяющим группу родственников то со стороны отца, то со стороны матери, то, как в разбираемом нами случае, и со стороны отца и со стороны матери, представляющих членов рода⁴ в том случае, когда члены войкии или не могут выступить сами, или членов войкии вообще нет. Эти сородичи выступают всегда непосредственно после ἀγχιστεῖς⁵, т. е. войкии покойного, в которую обычно включены те же три первых группы наследников, с которыми мы встречаемся в законе об очередности права на наследство. Члены рода получают права наследования только при отсутствии членов войкии⁶. При этом, несмотря на то, что ἐπιβάλλοντες

¹ Ср. F. Solmsen, *Inscriptiones Graecae ad illustrandas dialectos selectae*, Lipsiae, 1921, № 33, V, и, следуя за ним, E. Schwyzer, *Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora*, Lipsiae, 1923, № 179 и комм. на стр. 89. Но Bučk сохраняет прежнее чтение.

² Ср. Guarducci, ук. соч., стр. 160: *Bona vero hereditate suscepta domini κλήρον efficientes vel indivisa administrare vel, si placuissest, inter singulos dividere poterant.*

³ Ср. аналогию с вышеупомянутым законом Локриды, если чтение Бака считать правильным.

⁴ Ср. Willets, ук. соч., стр. 61: «Из контекста мы можем заключить, что ερι-ballontes здесь были родственниками, которые, не будучи членами ойкоса, принадлежали к тому же роду, что и члены ойкоса». Ср. также комментарий к изданию и переводу Гортинской надписи: A. C. Meggiam, AJA, I (1885), стр. 349, 29.

⁵ В понятие ἀγχιστεῖς греки включали только ближайших родственников (см. I s., VIII, 32; ср. ниже, стр. 44, прим. 2).

⁶ Мы встречаемся с этой группой наследников при определении права на наследство и порядка женитьбы на эпиклере. Ср. Г3, III и VII — XII.

встречаются в надписи не менее 28 раз, нигде нет уточнения о каких *ἐπιβάλλοντες* идет речь, а между тем, если принять чтение *ἐπιβάλλοντες τὰς Φοικίας*, то этого следовало ожидать, ведь такое чтение предполагает, что должны существовать *ἐπιβάλλοντες* той *γένους* и что такое различие должно быть как-то оговорено в надписи.

Последний параграф закона о возможности как совместного, так и раздельного владения унаследованным имуществом, относится не к пятой группе и не ко всем пяти группам наследников, но только к четвертой группе, только к *ἐπιβάλλοντες*. В пользу этого свидетельствует разница терминологии при определении перехода имущества между группой *ἐπιβάλλοντες* и четырьмя остальными группами. Вместо обычного для четырех групп заключения *τούτος* (*τούτους*) *ἔχει τὰ κρέματα*, «иметь (подразумевается „на прежних основаниях“) имущество», наследникам четвертой группы право на наследство передается словами: *τούτος ἀναλέθθαι*, т. е. «получить», «принять». Следовательно, в одном случае речь идет о нераздельном владении наследством, как оно велось и прежде, в другом случае о приобретении имущества, о формах управления которого было необходимо сделать специальное разъяснение: нераздельное владение возможно лишь в случае общего согласия всех *ἐπιβάλλοντες*, в случае же протеста кого-либо из наследников против этого, суд должен решить в пользу требующих раздела имущества. Как кажется, это можно объяснить тем, что в данном случае в категорию *ἐπιβάλλοντες* включены родственники как со стороны отца, так и со стороны матери (ср. начало закона о наследстве: «Если умрет муж или жена), т. е. и когнаты. Раздел имущества между наследниками четвертой группы предполагается коллективный, т. е. не делается различия в праве очередности получения наследства между отдаленными родственниками мужа и когнатами. Об этом свидетельствует и специальный параграф, предусматривающий возможность раздела имущества между наследниками, а не передачу его одному из наследников по строго установленной очереди наследования. Закон склоняется на сторону требующих раздела, т. е. присоединения имущества к своей войки, которая иногда может оказаться войкией и другого рода (рода жены)¹.

Аристотель рассматривает *οἰκία* как первое «естественное сообщество, сложившееся ради повседневных нужд». Ойкия по Аристотелю представляет объединение «по природе» (т. е. по кровному родству), сложившееся как единый хозяйственный коллектив. «Завершенная (по своей форме) ойкия, пишет он, состоит из рабов и свободных»². Она объединяет мужа, жену, детей и подвластных им рабов. Поэтому в каждой такой патриархальной семье существует три вида отношений: *δεσποτική*,

¹ В свете материалов ГЗ, мы склонны иначе понимать и стихи Гомера, Од., XIV, 199 сл. В рассказе Одиссеем своей вымышленной биографии он называет себя критянином, сыном купленной рабыни и знатного отца; кроме него у отца есть и законные сыновья. Далее следует: *τοὶ δὲ ζωὴν ἐδάσαυτο παῖδες ύπέρφυτοι, καὶ ἐπὶ κλύρους ἐβάλοντο* (208—209). Вопреки обычному пониманию этого места (единственного в гомеровских поэмах, где идет речь о наследовании имущества после смерти отца), как то, что сыновья «бросили жребий», мы склонны понимать это место иначе. После смерти отца сыновья разделили движимое имущество и наследовали земли (клеры) отца (ср. с *ἐπὶ... ἐβάλοντο* гортийское *ἐπιβάλλοντες*). Одиссей, как *νόθος*, получает «очень мало», а для жительства ему предоставлен дом — *οἰκία*. По отцу Одиссей свободный человек, как это точно соответствует и гортийским брачным законам. Позже он женится на дочери-наследнице (*ηγαγόμην δὲ γυναῖκα πολυχλήρων ἀνθρώπων*) и переходит к ней в дом. Таким образом, сын знатного человека и рабыни не теряет связи с родом отца. Возможность его женитьбы на эпиклере объясняется тем, что сам он принадлежит к числу родственников по отцу, входящих в группу *ἐπιβάλλοντες*.

² Arist., Pol., I, 2, 1; 1253 b, 24: *οἰκία δὲ τέλειος ἐκ δούλων καὶ ἐλευθέρων*.

γάμική, τεχνοποιητική, т. е. отношения господства, брака и производства детей. Основой этой семейной организации является κτῆσις, т. е. обладание совокупностью орудий, необходимых для создания жизненного благополучия семьи. Раб при этом определяется как κτῆμα τι; это понятие раскрывается далее как ὄργανόν πρὸς ζωήν (орудие для приобретения жизненных средств). Таким образом, владение рабами составляет экономическую основу ойкии, без которой она не может существовать¹.

Этот же вопрос детально рассматривается неопифагорейцем Калликратидом в сочинении «Περὶ οἴκου εὑδαιμονίας», в полном согласии с Аристотелем и, вероятно, в зависимости от него². Понятие ойкии как большой семьи, эксплуатирующей рабов, входящих в это семейно-хозяйственное объединение, не вызывало у древних ни споров, ни противоречивых толкований. Калликратид, говоря об ойкосе как объединении родственных сообществ, отмечает как самую характерную черту ойкоса наличие в нем двух неоднородных частей: «Из самих же частей две являются первейшими и наиболее важными — ἀνθρώπος καὶ κτῆσις, управляющее и предоставленное в пользование (τὸ κυβερνόμενον καὶ τὰν χρῆσιν ἐμπαρεχόμενον)».

Входящие в ойкос рабы получали право на признание законности их брачных союзов, т. к. этим путем обеспечивалась их преданность именно этому ойкосу. «Люди, составляющие ойкос,—продолжает Калликратид, одни — являются близкими по родству, другие — рабами (τοὶ μὲν συγγενεῖς, τοὶ δὲ οἰκῆσι).» «Близкими по родству считаются члены одного рода. Ойкей же не являются природными родственниками, но становятся ими на основе брачных союзов (οἰκῆσι δὲ ἐπίκτητοι συγγενεῖς ἀπὸ τᾶς τῷ γάμῳ κοινωνίας λαμβάνοντες τὴν καταρχήν). Поэтому-то среди рабов встречаются также отцы, братья, деды по матери и т. д. (πατέρες η ἀδελφοὶ η μητροπάτορες η ἐν τι τούτων)»³.

В свете этих объяснений становятся ясными и гlosсы поздних лексикографов. У Гесихия οἰκῆσι объясняется как «все близкие по роду: и рабы, и все (близкие) по ойкии» (s. v.). Аммоний устанавливает различие между терминами οἰκῆσι и οἰκεῖοι: οἰκεῖοι — родственники по брачному союзу; οἰκῆσι — все, находящиеся в одной и той же семье (οἰκία), как рабы, так и свободные⁴.

Однако ойкия Аристотеля представляет уже поздний этап общественно-экономического развития — превращение ойкии в моногамную семью,

¹ Е. Г. Кагаров совершенно правильно характеризовал ойкою у Аристотеля как большую патриархальную семью (Е. Г. Кагаров, Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев, М. — Л., 1937, стр. 19).

² Подробнее о Калликратиде и его зависимости от Аристотеля (в его экономических взглядах) см. Fr. Wihelsh, Die Oeconomica, RhM, N. F., 70 (1915), стр. 161—223. Цитируемый здесь и дальше текст из сочинений Калликратида взят у J. Stobaei, Florilegium, III, tit. 85, стр. 142 (Lpz, 1838).

³ В отличие от Аристотеля в ойкос у Калликратида включаются и друзья (φίλοι), придающие величие и блеск ойкосу. Рассматривая три вида власти — δεσποτικά, ἐπιτάτικά, πολιτικά, Калликратид определяет despoticкую власть, как власть, осуществляемую только в интересах властвующего; такова власть господина над рабами. Власть надзирающая ближе всего напоминает отношение врача к больному, учителя к ученику: она распространяется преимущественно на детей. Власть политическая имеет в виду пользу обеих сторон и соответствует власти мужа над женой. Отвлекаясь от морализующей тенденции неопифагорейцев, следует заметить, что ойкос Калликратида, также основанный на землевладении и рабстве, приближается к форме эллинистического ойкоса знатных семей, куда включались и многочисленные клиенты (φίλοι). Аристократическая землевладельческая верхушка эллинистических полисов состояла из таких ойкосов. Понятно поэтому замечание Калликратида о том, что отношения между ойкосами и полисами являются отношениями, полными гармонии и взаимной заинтересованности друг в друге.

⁴ Ammonius, De differentia ad finium vocabulorum (L. C. Vackenagel), Lpz, 1892.

так же, как и ойкия Калликратида является дальнейшим развитием формы ойкии в связи с ростом новой землевладельческой знати эллинистических городов.

Уже Сибом установил, что греческий ойкос (ойкия) состоял из основателя ойкоса, его детей, внуков и правнуоков¹. Дж. Томсон, исследуя эту форму патриархальной семьи, подчеркнул связь ойкии с землевладением, с наследственным клером². Однако и у Сибома, и у Томсона, и у Виллетса³ осталась непролеженной связь ойкии с непосредственными производителями, входившими в состав ойкии как подвластные ей люди, но одновременно и как ее члены. И у Томсона и у Виллетса рабы рассматриваются как принадлежность только клера (клароты), т. е. как собственность ойкоса на клер, принадлежностью которого являются сервы, крепостные. Это в целом правильно подмеченное явление отражает однако более поздний этап развития ойкии, а именно: распад большесемейной общинны на семейные мелкие объединения, в результате утраты родом своей экономической целостности.

При первоначальном расселении родовыми поселками⁴, территория каждого рода подразделялась на клеры между такими большесемейными общинами (ойкими); при этом каждая войкия состояла из двух μέρη, из членов большой семьи, возглавляемой ее родоначальником, и из подвластных ей производителей, преимущественно земледельцев, которые оказывались под непосредственным контролем главы большесемейной общины — паста, игравшего и по отношению к своим потомкам ту же роль верховного главы общины, но уже не в качестве паста, а в качестве отца, деда или ойкиста. Самый термин πάστος, более нигде не засвидетельствованный ни в литературных, ни в эпиграфических памятниках Греции, по своему происхождению связан с представлением о «владении» (от πάμα, πάομαι) и, возможно, со словом πάστος в значении «еда», «трапеза», засвидетельствованным для XI в. у Льва Грамматика⁵.

Экономической основой древней ойкии, как это отмечал уже Дж. Томсон, было семейно-родовое владение землей, т. е. ее благосостояние в значительной степени зависело от степени развития земледелия и скотоводства. В этот период, когда во главе Гортиньи стояла родовая олигархия, т. е. родовая знать, стойко охранявшая свои родовые привилегии, ойкии родовой знати были основаны на эксплуатации труда земледельцев, входивших в состав ойкии. В этот период ойкия служила той наиболее удобной формой, которая, с одной стороны, создает прочную хозяйственную базу и господство в роде большесемейных общин знати, а, с другой стороны, способствует сплочению богатых и знатных родов в привилегированную верхушку гортиинского государства. Семейно-родовые формы собственности и отсутствие развитой частной собственности на землю обеспечивают и здесь, как и в других сходных по экономическому и политическому строю государственных общинах, экономическую и политическую власть родовой олигархии. Этот факт был в свое время отмечен уже Аристотелем: «при олигархии... земельные участки должны подчиняться не дарению, но роду»⁶. Экономическая прочность семейно-родовой собственности тесно

¹ H. E. Seeblom, On the structure of Greek tribal society, L., 1895, стр. 54 сл.

² G. Thomson, Studies in ancient Greek Society, I², L., 1954, стр. 109, 139, 153, 313—314, 323.

³ Willerts, ук. соч., стр. 61—62.

⁴ См. Кагаров, ук. соч., стр. 18—20.

⁵ Leo Grammaticus, 230,4 (Bonnae, 1842); E. A. Sophocles, Greek lexicon of the Roman and Byzantine periods, Lpz, 1914, s. v.

⁶ Aristot., Pol., VIII (V), 8, р. 1309а, 20 (перевод Кагарова, ук. соч., стр. 10). Аналогию родовым формам землевладения на Крите мы находим в указании Страбона о семейно-родовых владениях у иберов: αἱ κτυσεῖς κατὰ συγγένειαν (XI, 3,

связана с тенденцией сохранения имущества внутри рода, в случае отсутствия непосредственных членов ойкии¹.

В гомеровских поэмах οῖχος и κλῆρος составляют еще неразрывное целое, и термин οἰκέται применяется как к членам знатной семьи, так и к ойкетам, входящим в состав ойкии как ее рабочая сила². Одновременно клер обеспечивает экономическое единство и прочность войкии.

В Гортине клер также является основой хозяйства знатной семьи, во владении которой он находится, хотя и принадлежит роду в целом; с родовой формой землевладения связаны и обрабатывающие клер войкии, распределенные между войкиями по месту их постоянного жительства. Однако в условиях патриархального строя большесемейных общин, все связи прежде всего являются личными связями, а не территориальными. Именно поэтому, в силу неписаного древнего права, войкии становятся в личную связь с членами войкий и входят в войкию как ее младшие члены, во всем подвластные тем же законам, по которым управляют старшие представители войкий, главы в первую очередь знатных семей, членами своего семейного объединения. Поэтому следует быть особенно осторожными при сближении войкеев с кларотами, поскольку, несмотря на засвидетельствованный в ГЗ термин κλῆρος, социальная группа людей, обрабатывающих клеры, названа все же не кларотами, но войкеями. Более того, если бы войкии Гортины были кларотами, т. е. рабами частных лиц, то следовало бы одновременно допустить, что в период, отражаемый ГЗ, частная собственность на землю была основой экономического развития гортиинского общества.

Несомненно, что термин «клароты» связан с термином «клер», как и «афамиоты» с «апамией», засвидетельствованной в надписи из Елевферны³, хотя фрагментированное состояние надписи затрудняет понимание этого термина.

Некоторый свет на вопрос о гортиинских клерах проливает свидетельство Аристотеля во фрагментах «Фессалийской политии» о клерах Фессалии⁴. Первым тагом Фессалии Аристотель считал Алева, которому и

6, р. 501). В словаре Гесихия οῖχος раскрывается как ὀλίγη οἰκία, т. е. знатная семья. Ср. I s., VII, 32: οἱ οῖχοι οἱ μεγάλοι.

¹ Ср. у Полибия (XX, 6, 5) о старинном обычье древней Беотии, которым пренебрегали уже в Беотии эллинистической поры, оставлять имущество в случае отсутствия у умершего детей, членам своего рода (τοῖς κατὰ γένος ἐπιγενομένοις). Ср. также замечания по этому поводу у Th. Meier, Das Wesen d. spartanischer Staatsordnung, 1939, стр. 8 сл. («Klio», Beih. 42 = N. F., 29).

² Ср. II., XV, 497 сл. В сколях к Одиссею (XIV, 3—4) об ойкеях говорится: ἀντὶ τοῦ οἰκετῶν λέγονται δὲ καὶ οἱ συγγενεῖς καὶ πάντες οἱ ἐν τῷ οἰκίῳ. В это число «всех, кто в ойкии», несомненно, включены и войкии.

³ ICr, II, 1939, XII, 16, A (VI—V вв. до н. э.). У Гесихия ἐφημίαι объясняется как ἄγροι. βέλτιον (δε) 'афимиат'; 'афимиас—тас' 'аγροικиас (по чтению Шмидта). Ср. Ath., VI, 263e (Каллистрат): 'афамиштас' — οἱ κατ' ἄγρον ἔγχωριοι. Нет оснований (ср. K. M. T. Chriges, Ancient Sparta, Manchester, 1949, стр. 213, прим. 5) предполагать, что название «афамиоты» является критским термином общегреческого названия «клароты», поскольку оба термина (и клар, и апамия) засвидетельствованы в ранних надписях Крита. М. Гвардуччи восстанавливает слово κλῆρος в надписи из Латоса (ICr, I, XVI, 17, стр. 16 и 20): η̄ κλῆρος φθείρη η̄ οἰκετήλα, вместо более раннего восстановления ('Еф., 1908, стр. 221—222) [καταλαμβάνη η̄ φθείρη]. Ср. аналогичное выражение в ольвийской надписи (IOSPE, I, 32, B, 16: ἐφθάρθαι μὲν τῷ οἰκετείᾳ ἀπασαν καὶ τοὺς τῷ παρώρειαν οἰκοῦντας Μικέλληνας, где ἐφθάρθαι, по верному замечанию В. В. Латышева, значит corruptos et alienatos esse (non extintos) (стр. 55, прим. 1). Если и здесь речь идет о совращении врагами местного населения, что нам кажется довольно вероятным, то уместнее было бы предположить, что перед φθείρη стояло название какой-то группы негражданского населения. Однако и первоначальное чтение «захватил или склонил на свою сторону» (дословно «повредил») нам кажется более удачным, чем вариант, предложенный М. Гвардуччи.

⁴ Из «Фессалийской политии» Аристотеля сохранилось лишь два фрагмента: Нагросгат. s. v. τετραρχία и Schol. in Eurip., v. 311.

приписывал разделение страны на четыре части. В другом фрагменте говорится о распределении земель между фессалийскими воинами: «Разделив политию, Алев приказал предоставить по клеру каждым сорока всадникам, гоплитам же — восьмидесяти¹. Следовательно, Аристотель считал, что Алев был также создателем фессалийской армии — конницы и пехоты (при соотношении 1 : 2).

Фукидид (IV, 78, 3) указывает, что фессалийцы δυυαστείχ μάλλου ή : σοομίας ἔχρων². Эта характеристика Фукидиса тем более интересна, что обычно под династической властью греки в V и IV вв. понимали олигархическую власть знатных родов, управляющих страной на основании устного права.

Раздел земли на большие по величине клеры, связанный у Аристотеля с деятельностью Аleva, скорее всего следует приурочить к вторжению фессалийцев в эту область и к захвату больших земельных площадей знатными родами, которые затем выставляли, каждый со своего клера, определенное количество воинов.

Минимум воинов, выставляемый каждым знатным родом со своего клера, согласно Аристотелю, составлял 40 всадников и 80 гоплитов (по другому предположению — пелтастов). С этим легко сопоставляется приводимая Аристотелем числовая схема, дающая точное соотношение фил, фратрий и родов в древнефинском государстве. Фразу Аристотеля о том, что в Афинах «каждый род состоит из 30-ти мужчин», следует понимать, как это отмечалось в литературе, так, что каждый род должен был выставлять (со своего клера) отряд в 30 воинов. По-видимому, аналогичное распределение земли между родами было и на Крите. Однако, как нам кажется, в силу социального расслоения внутри критских родов, войки рядовых граждан, не входящих в состав критской знати, скорее превращались в чисто семейные объединения, чем войки богатых и знатных семей.

В установлениях для колонистов, выводимых гипокнемидскими локрами в Навпакт, мы встречаем термин войкиаты³. После изложения основных установлений для колонистов (ἐπιFoίκοι), в надписи предусматриваются наказания для возможных нарушителей этих законов — атимия и конфискация имущества. Должностное лицо обязано в течение тридцати

¹ . . . διελών δὲ τὴν πολιτείαν Ἀλεύας ἑταξε τὸν κλῆρον παρέχειν ἐκάστους ἵππεας μὲν τεσσαράκοντα ὅπλιτας δὲ ὄγδογχοντα (Schol. in Eurip., E. Schwartz, т. II, стр. 334, v. 311 (Arist., fr. 498). Cp. H. T. Wade-Gerry, JHS, XLIV (1924), стр. 55 сл. По сообщению Ксенофонта (Hell., VI, 8), объединенная Фессалия располагала бы военной силой в 6000 всадников и более чем 10 000 гоплитов, т. е., по приблизительному подсчету, в Фессалии должно было бы быть не менее 150 клеров, распределенных между гражданами. Общеизвестно, что еще в IV в. до н. э. фессалийская знать представляла крупных землевладельцев и родовые связи, объединяющие отдельные знатные роды, были еще сильны.

² «Если бы фессалийцы не пользовались больше династической властью, чем исономией в отношении местной (страны), то . . .» (вместо перевода, предлагаемого Ф. Мищенко: «Таким образом, если бы у фессалиян в их стране был не исономический, а династический строй»).

³ CB, II, 1, № 1478; IG, IX, 1, № 334; Buck, № 57. Упоминание войкиатов мы встречаем и на бронзовой табличке из Фессалии, в которой Гиосфетон при гилоре Филонике представляют коринфянину Сотеру «и ему, и роду, и войкиатам, и имуществу» (καὶ τῷ καὶ γένει καὶ Foίκιάταις καὶ χρήμασι) асилию и ателию и во время войны и во время мира, а также дают ему почетный титул евергета («Berichte d. K. Sächs. Gesellsch. d. Wissensch.», Phil.-hist. Kl., XLVIII, 1896, стр. 251—256; AJA, I, 1897, стр. 412; REG, X, 1897, стр. 90). Подробнее об асилии, предотвращавшей возможность насильственного захвата человека или имущества (συλλαν или ἀγενι), ср. RE, II, стб. 1879—1881. К сожалению, по этому единственному документу трудно установить, какому государству следует приписать наличие войкиатов — Коринфу или Фессалии.

дней привлечь нарушителя к суду. Далее следует: «Если же он не привлечет к суду обвиняемого, то быть ему подвергнутым атимию и конфискации имущества. Тό μέρος μετὰ Φοικιατῶν διομόσαι ὅρῳ τὸν νόμιον». Понимание этого места представляет некоторые трудности¹.

Нам представляется совершенно правильным чтение надписи, предложенное ее первым издателем Экономидесом: Αἴ κα μέ διδῷ τῷ ἐνκαλειμένῳ τὰν δίκαιαν, ἀτμον εἰμεν καὶ χρέματα παματοφαγεῖσται. Тό μέρος μετὰ Φοικιατῶν διομόσαι ὅρῳ τὸν νόμιον². Последнюю фразу Экономидес пояснял: Тό μέρος μετὰ τῶν οἰκετῶν διομόσαι τὸν ὅρκον νόμιον. В свете нашего понимания ойкии, в согласии с положением Аристотеля о двух частях в каждой ойкии, выражение тό μέρος μετὰ Φοικιατῶν мы склонны понимать как тό μέρος τῆς οἰκίας μετὰ Φοικιατῶν³, т. е. к клятве привлекаются войкии, входящие в состав ойкии, но не связанные с верхушкой ойкии кровнородственными отношениями. В данном случае войкии, по-видимому, привлекаются к клятве и для показаний о виновности как подсудимого, так и должностного лица, если он не возбудил процесс в установленный законом срок. Клятва свободных членов войкии не могла быть принята, вследст-

¹ Даресте — Оссулье и Диттенбергер (R. Daresté, Th. Reinach, B. Haußsoullier, Recueil des inscriptions juridiques grecques, вып. 2, Р., 1892, стр. 180—192; Dittenberger, IG, IX, 1, № 334) считают необходимым начало новой фразы Тό μέρος μετὰ Φοικιατῶν считать концом фразы предшествующей и, таким образом, читать: Αἴ κα μή διδῷ τῷ ἐνκαλειμένῳ τὰν δίκαιαν, ἀτμον εἰμεν καὶ χρύματα παματοφαγεῖσται τό μέρος μετὰ Φοικιατῶν, понимая тό μέρος μετὰ Φοικιατῶν как объяснение слов χρύματα παματοφαγεῖσται. Поэтому Диттенбергер переводит этот текст: si auctori iudicium non dabit, exlex esto et publicantor bona eius, [id est] fundus cum mancipiis (стр. 88; курсив мой — К. К.). Но для перевода следующей фразы приходится в результате этой перестановки допустить произвольную вставку: [Uterque litigantium] iure iurando sollemni se obstringat. Даресте и Оссулье также вставляют в текст свое добавление, но уже не как клятву тяжущихся сторон, а как клятву судей: [Les juges] prêteront le serment légal. Диттенбергер обосновывает свое понимание текста весьма спорным отожествлением χρύματα с Φοικιατῶν и μέρος с κλήρος. Поэтому он должен допустить вторую вставку — id est: [id est] fundus cum mancipiis. Доводы Диттенбергера, однако, нельзя признать убедительными, так как в этой же надписи двумя строками выше при установлении наказаний для нарушителей постановлений дана такая же точно формулировка: ἀτμον εἰναι καὶ χρύματα παματοφαγεῖσται, в которой нет никакого дополнительного пояснения к χρύματα παματοφαγεῖσται. Совершенно невероятно, чтобы при одинаковом наказании и для нарушителя установлений и для судьи, не привлекшего к суду нарушителя (и тем самым ставшего участником его преступления), в одном случае не дается определения χρύματα παματοφαγεῖσται, а во втором случае это определение дано. Предположение Диттенбергера, что χρύμαта тождественно по значению с Φοικιατῶν, не подкреплено какими-либо доказательствами. В фессалийской надписи, выше нами приведенной, ясно видно, что Φοικιατῶν и χρύμαта не тождественны. Несомненно, что в тексте идет речь о полной конфискации имущества как движимого, так и недвижимого, поскольку нарушитель установлений рассматривается как государственный преступник. Искусственность пояснений Диттенбергера и вызывает необходимость прибегать к ряду дополнений и объяснений, вставленных от себя. Причиной, побудившей Диттенбергера к этому комментарию, было, по-видимому, несогласие с Фишером, который пытался истолковать тό μέρος μετὰ Φοικιατῶν как die Partei mit den Hausgenossen. Ссылаясь на объяснение термина οἰκία у Стефана Византийского, Фишер пишет: «Таким образом, это — домочадцы, родственники, οἰκία, а именно в нашем месте — только свободные домочадцы, так как рабы не допускались к клятве» (W. Vischer, Lokrische Inschrift von Naupaktos aus der Sammlung Woodhouse, RhM, XXVI (1871), стр. 72—73). Однако сам Диттенбергер хотя и принимает перевод μέρος через κλήρος, отмечает трудность такого понимания, поскольку в той же надписи в выражении μέρος τῶν χρυμάτων дается точное значение μέρος как «части от целого». Кроме того, возможность перевода μέρος через κλήρος не находит подтверждения ни в эпиграфических, ни в литературных источниках. Бак (№ 57) следует за Диттенбергером, переводя μέρος как real estate: ... and his property confiscated his real estate together with his servants. The customary oath shall be taken», стараясь, таким образом, также отожествить μέρος и κλήρος.

² I. N. Οἰκονομίδης, Ἑποικία Λοκρῶν, Ἀθῆναι, 1869.

³ Arist., Pol., II, 1253, 25—27: οἰκίας μέρη; см. Calligrat., tit. 85.

вие их родства с нарушителем постановлений, тем более, что в случае установления виновности подсудимого, атимия и конфискация имущества грозила не только самому нарушителю, но и всем членам его ойкии¹. Возражение Фишера Экономидесу о том, что рабы не имели права давать клятву, в свете приведенных нами материалов отпадает, прежде всего потому, что войкиаты || войкеи не являются рабами в том значении, в котором мы обычно понимаем слово «раб». На основании Г3 мы видим, что войкеи в уплате штрафа выступали перед судом даже без паста; известны и другие случаи, когда войкеи могли лично выступать в судебном процессе и давать клятву перед судом². В разбираемом нами случае привлечение войкиатов к клятве вызывается необходимостью получить свидетельские показания наиболее достоверные, т. е. свидетелей, входящих в тот же дом, в котором семья колониста находится под подозрением в соучастии с преступником³.

В этом отношении интересна и другая локридская надпись, где колонисту, который захочет нарушить устанавливаемый закон о землевладении и выступит с предложением передела земли «перед советом старейшин (πρείγα) или перед полисом, или на выборах, или начнет восстание в борьбе за передел земли (ἐ στάσιν πολέοι περὶ γαδασίας), тот и сам, и его род подвергнется вечному изгнанию. Имущество его должно быть конфисковано и дом срыт, согласно установлению об убийстве». Поскольку это установление (τεθμός) посвящено Аполлону Пифийскому и его сохрамникам, то, помимо уже установленных наказаний, преступивший закон подвергается и божественному проклятию — ἐξόλεισαν αὐτοῖς καὶ γενεᾶι καὶ πάυτεσιν (т. е. он, и род, и остальные). Виламовиц⁴ правильно дополняет слово πάυτεσιν, стоящее в среднем роде, словами τοῖς αὐτῶις. Однако, вряд ли возможно, чтобы в это понятие, как думает Виламовиц, кроме рабов, включался и скот, так как трудно себе представить наложение проклятия на скот. Несомненно, что в это понятие включены *Foukētai* (не ἀγράροιδα, как предполагает Виламовиц), поскольку срытие дома (καὶ *Foukia* κατασκαπτέον) означает физическое уничтожение всей войкии, т. е. в том числе и рабов, как одной из двух οἰκίας μέρη.

Интересное свидетельство о локрах мы находим у Полибия, который приводит его в споре с Тимеем. Поддерживая (по нашему мнению несостоятельную) точку зрения Аристотеля об основании рабами локров колонии в Италии, Полибий говорит далее, что бывшим рабам свойственно стремление выдавать себя скорее за потомков господ, чем за вольноотпущенников (XII, 6а, 4—VI в, 1). Объяснение этого явления Полибий видит в стремлении рабов скрыть свое низкое происхождение. Однако, как это следует из его же рассказа, рабы, вступившие в брак со знатными женщинами Локриды, тем самым действительно оказались связанными родством со знатными родами локров, поскольку сам Полибий говорит: «Все славное своим происхождением у них (локров) происходит от женщин, а не от мужчин» (XII, 5, 6).

Нам кажется необходимым подчеркнуть сходство в положении войкиатов Локриды с критскими войкеями, во-первых, в том, что в Локриде, как и в Гортине, могли иметь место браки рабов со свободными женщинами (даже знатными), и, во-вторых, в том, что и те и другие входили в ойкии

¹ Ср. термин *Foukētai*, употребленный в той же надписи Навпакта.

² Г3, II, 15 сл.: δριβτέραν δέπεν τὰ δόλαιν; за самовольное выбрасывание ребенка δόλαι (здесь несомненно войкея) платит по суду штраф в 25 статеров (αὶ κα νικαθεῖ—Г3, IV, 13—14).

³ На это указывают слова надписи: γένος ἐχέπαιμος (= νόμιμος ἐπίκληρος).

⁴ Wilamowitz, SPAW, 1927, I—VI, стр. 7—17.

знатных родов, причем эти ойкии в обоих случаях были основаны на землевладении¹.

В литературе уже отмечалось, что войкеи Гортиньи имеют признанную законами семью с чертами семейного права, аналогичного семейному праву свободных². Брак их считался законным³; главой семьи войкеев был отец, а после смерти отца — его сыновья; дочь находится у отца, если она незамужем, а после его смерти до выхода замуж переходит под контроль братьев. В случае развода войкеи с войкеем, жена получает обратно свое имущество; если же она унесет что-либо помимо своих вещей, дело подлежит судебному рассмотрению (ГЗ, III, 40—44). Наличие собственного имущества у войкеев подтверждается также и взиманием судебного штрафа с войкеи в 25 статеров, если она самовольно выбросила ребенка (ГЗ, IV, 13—14). Ребенок разведенной войкеи принадлежит пасту ее отца или, если отца нет в живых, пастам братьев. Если же войкея возвращается к прежнему мужу, то и ребенок вновь переходит в семью мужа, становясь под контроль его паста (ГЗ, III, 52—IV, 8)⁴.

Из этого следует, что в семейном праве войкеев, как и семейном праве свободных, дочь подчинена отцу, а после его смерти — братьям; при выходе ее замуж, так же как и у свободных, власть над ней переходит к мужу. Отношения собственности при расторжении или заключении брака между войкеями точно соответствуют отношениям свободных: так же как и свободные женщины, войкеи сохраняют свое имущество в случае смерти мужа или развода с ним. Таким образом, между положением в семье свободной женщины и войкеи, по существу, разницы нет. Разница проявляется в общественном положении: в семье над свободными осуществляется власть отца, над войкеями осуществляется власть того же человека, но выступающего не в роли отца, а в роли главы войкии (ее обеих частей) — паста⁵.

Все приведенные свидетельства указывают на наличие среди войкеев развитого семейного права. К этому, как кажется, можно присоединить и свидетельство Аристотеля о том, что критяне предоставили рабам все привилегии граждан, запретив им только участие в гимнасиях и владение оружием⁶. В этом отношении интересно и свидетельство Конона в рассказе об основании Гортиньи дорийцами Спарты, что они никого не отеснили и, получив Гортину, заселили ее, синойклизировавшись с критскими периеаками (здесь в смысле критского населения)⁷.

В вышеприведенном свидетельстве Аристотеля отмечен еще один важный для нас факт, а именно, что это рабское население сохранило свои обычай, восходящие к законам Миноса⁸.

В свете этих свидетельств Аристотеля и Конона особенно интересным представляется признание в ГЗ брака войкеев со свободными, как это имело

¹ Ср. замечания о локридской знати у Thuc., I, 108 и Polyb., XII, 5,6—7.

² Первый, насколько нам известно, обратил на это внимание Zitelmann, ук. соч., стр. 64, 114—115.

³ Термин ὀπιοίεν, ὀπιοίέσται означает законный брак как у рабов, так и у свободных (ср. ГЗ, II, 27; III, 41, 52; IV, 4).

⁴ Интересно замечание, что ребенок разведенной войкеи должен находиться, при отсутствии отца, у пастов братьев. Следовательно, пасты, сами являющиеся тоже братьями, владеют совместно клером войкии. Поэтому в законах и не встает вопроса, кому же из двух или более братьев должен принадлежать приоритет главенства над сестрой и ее ребенком. Ее братья также входят в одну войкию с пастами.

⁵ Интересно отметить, что при разводе свободных учитывается и раздел дохода, полученного мужем от имущества жены. При разводе войкеев этот вопрос не поднимается, поскольку имущество войкеи не могло быть значительным и приносящим дополнительный доход.

⁶ Arist., Pol., II, 5, 1264a, 21—22.

⁷ Conon, Narr., XXXVI, 25 сл. (A. Westermann, Muθογράφοι Braunschweig, 1843).

⁸ Arist., Pol., II, V, 1264a, 21—22 и 1271, 30 сл.

место, по-видимому, и в Локриде¹. «Если раб, перейдя к свободной, женится на ней, детям быть свободными, если же свободная к рабу, детям быть рабами. Если от одной и той же матери родились дети и свободные и рабы, то, в случае смерти матери, если у нее было имущество, пусть (оно) принадлежит свободным (детям). Если же свободных нет, наследовать родственникам (τοὺς ἐπιβάλλοντας — Г3, VII, 1—10²).

Наличие детей-рабов и детей-свободных у одной и той же матери стало детей-рабов в положение незаконнорожденных детей (*υόδοι*), пополнявших либо ряды войкеев, либо ряды *οἰλοί*. Одновременно один и тот же отец, наряду с законными детьми, имел и незаконных детей от войкеи, которые также образовывали связующую прослойку между младшими членами войкии — войкеями — и ее привилегированными членами — семьей свободных. При отсутствии законных сыновей эти *υόδοι* могли быть усыновлены своим отцом. Вероятно, при разделе имущества покойного такие *υόδοι* получали право на некоторую долю имущества отца, даже не будучи усыновленными (ср. Od., XIV, 190 сл.). В этом отношении интересна надпись Ксуфия (лаконца или ахейца по происхождению), установившего следующий порядок получения 400 мин, отданных им на сохранение, в случае его смерти: 1) законные сыновья старше 5-ти лет; 2) законные дочери; 3) *υόδοι*; 4) ближайшие родственники³.

Таким образом, мы приходим к выводу, что положение войкеев по Г3 хотя и признавалось положением подчиненным и зависимым, но не было ни рабством, в обычном понимании этого термина, ни тем более крепостничеством.

Ф. Энгельс в предисловии к американскому изданию «Положение рабочего класса в Англии», подчеркивая коренную разницу в развитии двух способов производства, рабовладельческого и феодального, указывал, что характерной чертой классической древности было рабство, т. е. не столько экспроприация земли у масс, сколько аппроприация их личности, в то время, как в средние века характерным была не экспроприация народа от земли, а напротив, прикрепление (appropriation) его к земле. «Крестьянин сохранял свою землю, но был привязан к ней в качестве крепостного...»⁴, т. е., как указывает В. И. Ленин, комментируя это место, способ получения прибавочного продукта при барщинном хозяйстве был «...основан на наделении производителя землей...»⁵.

В условиях развитого рабовладельческого хозяйства раб-земледелец становился принадлежностью клера своего хозяина, а не его владельцем, оплачивающим право своего владения трудом или продуктом, как это было при крепостничестве.

¹ По словам Страбона, Эфор считал, что Залевк, законодатель локров, заимствовал законы с Крита, из Спарты и из законов афинского ареопага (VI, 1, 8, р. 260). По-видимому, уже в древности было обращено внимание на сходство законов в государствах, основанных на родовом землевладении с пережитком родовых институтов среди родовой олигархии знати.

² Общепризнано в литературе, что речь здесь идет именно о войкеях, так как у покупных рабов, как правило, не было своего дома. Ср. Ка гаров, ук. соч., стр. 53; К.М. Колобова, Из истории раннегреческого общества, Л., 1951, стр. 235 сл.

³ Schwyzer, № 57. Вопрос о *γυγόσι* и *υόδοι* трактовался и в гортийском праве, ср. IGr, IV, № 20. В сильно фрагментированном тексте сохранились слова *γυγόσι* и *τὰ ματρόις*. Компаретти предполагал, что речь идет здесь о законных и усыновленных детях. Однако самый термин *γυγόσι* влечет за собой его противопоставление *υόδοι*, так как усыновленный ребенок становился законным. См. D. Compartetti, «Monumenti antichi», III (1894), № 28, стр. 43.

⁴ F. Engels, The conditions of the working class in England in 1844, N.—Y., 1887, стр. II, перевод В. И. Ленина, В. И. Ленин, Соч., т. 3, 1941, стр. 158 и прим. 2.

⁵ В. И. Ленин, там же.

Войкеи же выступают перед нами в качестве социальной группы, имеющей свою собственность, и в экономическом отношении вполне самостоятельными людьми, вплоть до законных браков с полноправными гражданками. Но они лишены политических прав и, кроме того, в личной жизни подчинены контролю паста, возглавляющего большесемейную общину, в которую включены семьи войкеев. Верховное право контроля и управления войкеями принадлежит роду, но осуществляется войкиями. Таким образом, войкеи являются основными производителями большесемейной общины, с которой они связаны личными связями и в которую они включены, как ее младшие члены. Характерно, что и в своих личных отношениях со свободной верхушкой ойкий, они подчинены контролю не всех членов этой общины, но паста — главы общины. Это подчинение для войкеев являлось лишь «зарей рабства», неизбежного в дальнейшем в условии распада родового землевладения и перехода земель в частную собственность отдельных семей, экономически уже не связанных друг с другом. В период, отраженный ГЗ, единство войкии объяснялось необходимостью зависимостью всех членов войкии от клера, причем часть из них (свободная большая семья) имели право владения клером, а другие (войкеи) обрабатывали этот клер, но одновременно имели на нем и свои, лично им принадлежавшие владения и предметы собственности, на которые не могла посягнуть семья при разделе своего имущества. Таким образом, и права свободных членов этого большесемейного объединения по отношению к войкеям были ограниченными правами.

Образование социальной группы войкеев могло происходить, как кажется, разными путями, но положение их в войкии было более или менее одинаковым, поскольку в гортиинском праве они выступают как цельная и вполне определенная группа¹. Эта тесная связанность войкеев с войкией свободных, с ее законами, с ее культурами и традициями, по нашему мнению, наглядно отразилась и в ГЗ о праве наследования имущества, когда вымирает весь род. В этом случае (в практике — маловероятном) наследниками имущества войкии выступали войкеи, причем только те, которые составляли клер данной войкии, т. е. в пределах земельных владений каждой войкии (клер войкии). Потомки знатных родов, происшедшие от браков свободных с войкеями, составляли, несомненно, верхушку этого объединения и поэтому, в первую очередь, были продолжателями традиций данного рода, хранителями родовых культов и погребений, наличие которых зафиксировано в Гортине². Именно так, по нашему мнению, следует

¹ Нам представляется возможным, что, помимо потомков критян, в число войкеев могли попадать также члены войкий, некогда самостоятельных, а затем попавших в зависимость к членам знатных семей. Свобода рассматривает *καταχείμενος* Гортины как добровольный самозаклад, а *γευσιχάμενος* как принудительный, по судебному приговору. В этом случае были возможны и формы клиентеллы и формы войкии.

² Интересно отметить здесь привлекаемое у Н. Н. Залесского К социальной истории этрусков, УЗЛГУ, вып. 17, № 127, 1950, стр. 182—183, свидетельство Зонары, который говорит о праве наследования рабов после господ (VIII, 7), а также сообщения Валерия Максима и Орозия о том, что рабы заставляли господ делать завещания по своему усмотрению (Val. Max., IX, 1,2; Oros., IV, 5). Эти тексты представляют однако серьезные трудности в их детальном анализе. Н. Н. Залесский видит в этих преданиях отголоски традиции о борьбе «пенестов» за свое освобождение, подчеркивая особенную важность свидетельств древних авторов о брачных отношениях в борьбе за право эпигамии. Интересна также отмечаемая Н. Н. Залесским параллель к свидетельству Полибия о браках рабов с женами и дочерьми господ в Вольсиниях (см. стр. 181—183). Может быть, Н. Н. Залесский прав, сближая с этим политику Набиса (женитьба иловов на женах и дочерах их господ) с правом рабов на брак со свободными. На Крите наличие такого брачного права зафиксировано законами Гортины. В ультиматуме римлян Набису фактически признавалась законность таких браков, если жены иловов из спартанок и дети от этих браков пожелают следовать за своими новыми мужьями (см. Liv., XXXIV, 35, 7).

понимать и вышеприведенные строки Полибия о том, что рабы локров, вступившие в брак со свободными женщинами из знатных родов, считали себя потомками локридской знати.

Однако в качестве наследников выступали не отдельные войкеи, но войкия в целом, как община (ср. ἔκει гортинского закона, т. е. «владеть землей (на прежних основаниях)». Несомненно, что представители знатных родов, в интересах охраны своих родовых погребений и культов, в интересах сохранения своей собственности в неразделенном виде, от чего зависело и сохранение родовых традиций данной войкии или рода в целом, должны были предусмотреть необходимость их сохранения, даже в случае отсутствия членов рода. Нераздельность земельной собственности рода составляла экономическую основу не только его могущества, но и самого существования и сохранения рода, как политической организации, обеспечивающей привилегированное положение знати в государстве. Устойчивость знатных родов коренится в наличии родовой собственности знати при отсутствии развитой частной собственности на землю, поскольку это дает возможность знати увеличивать свои владения за счет порабощения должников и захвата свободных земель общинны¹.

Именно задачами сохранения родовой собственности, как основы классового сплочения знатных родов друг с другом, может быть объяснена передача своего родового имущества младшим членам войкии на условиях неразделенности земельных владений. Само собой ясно, что войкеи не становились после этого частными собственниками унаследованного ими имущества, так как это повлекло бы за собой распад общинных отношений. Распад же общинь, в свою очередь, привел бы к быстрому и полному исчезновению родовых традиций данного рода, к прекращению заботы о родовых усыпальницах и о других святынях рода, т. е. к полному исчезновению рода и его культов в Гортине. Это, конечно, было не в интересах не только данного рода, но и других знатных родов, оберегающих свою собственность и неразрывно связанные с ней свои политические привилегии и религиозную власть. Но тем самым община войкеев должна была перейти под контроль государства, представленного в то время правящей властью знати². Только полное соблюдение условий, на основе которых войкеи могли быть признаны наследниками, могло гарантировать им (до поры до времени) неприкосновенность их прав³.

¹ К большому сожалению, надпись из Мантиней V века (Schwyzer, № 661; Сомрагетти, Ann., I, 1914, стр. 1—17; Виск, № 17), в которой речь идет о должниках храма в Але, до сих пор не поддается окончательному истолкованию; больше того, она дала основание для двух совершенно противоположных ее толкований. По одному из них (Компаретти), упоминаемые в надписи войкии являются войкиатами богини, т. е. своего рода храмовыми рабами, живущими общинными порядками; по другому толкованию, должники богини (возможно, арендаторы храмовых земель) лишаются земель, которыми они владели, и должны вместе со своими войкиатами принадлежать отныне богине. Однако и при том и при другом толковании ясно выступают черты храмового владения рабами, при котором основными производителями храма, вероятно, являются войкиаты, поскольку именно этот термин употреблен в надписи для обозначения рабов.

² Интересен документ I века до н. э. (пергамент, найденный Кюмоном при раскопках в Сирии), нормирующий право наследования в случае отсутствия завещания. В первую очередь наследниками являются ἄγχιστές, которые точно определены в надписи: если покойный не оставил детей, то наследуют усыновленный по закону, затем отец или мать, если она не вышла замуж за другого, затем братья по отцу, сестры по отцу, затем дед по отцу или по матери или сводный брат по отцу. Одновременно это определение αἱ ἄγχισται устанавливается как имеющее силу закона. В случае же отсутствия вышеперечисленных близайших родственников «имущество да будет парским» (έαν δὲ μηθὶς τούτων ὑπάρχῃ, βασιλικὴ ἡ οὐσία ἔστω) (Riv. Fil., NS, VIII, 1930, стр. 118). Таким образом и рабы, следовательно, становятся «парскими» рабами.

³ Виллетс (ук. соч., стр. 10, прим. 2) указывает как на интересную и неожиданную параллель к передаче наследства рабам — на малоазийское поселение греческих

Однако наследование имущества войкеями имело главным образом юридическую силу, поскольку гортинская знать предусматривала выступление таких наследников только в самом крайнем случае. Широкое развитие права усыновления и институт дочерей-наследниц практически обеспечивали продолжение рода в его потомках. Ведь, согласно общегреческому праву, первый сын от брака эпиклеры даже с членом филы (т. е. другого рода) рассматривался как наследник имущества и родовых традиций своего деда по матери. Таким образом, первый сын был представителем рода матери, а не рода отца.

Определение наследников пятой группы как людей, «составляющих клер войкии», заставляет нас предположить, что были и войкеи, не входящие в число войкеев, сохраняющих связь с клером. К этой категории войкеев естественнее всего причислить беглых войкеев, а также войкеев-рабов, проданных в рабство после истечения годового срока после их побега. Вопрос об беглых войкеях специально рассматривался гортийскими законами. «Беглого войкея (*τοῦ δὲ Φοικέα τού ἐπιδόμευον*) не продавать, ни когда он находится в храме, ни в год его бегства. Если беглый принадлежал косму, то (его) нельзя продавать, пока тот исполняет обязанности косма, ни в год его бегства. Если же кто продаст до истечения срока, будет осужден» (Г3; ср. СВ, № 4998, IV). Годовой срок, предоставленный войкею после его бегства, как нам представляется, предполагал возможность добровольного возвращения войкея на землю клера. Однако самый факт побега из общины уже ставил войкея вне клера, и, конечно, вне войкии, в которую он входил. Это подчеркнуто в законе правом продажи войкея в рабство после истечения установленного законом срока. Таким образом, беглый войкой ставился вне закона. Его полное бесправие и угроза продажи в рабство с полным разрывом родственных и дружественных связей с членами войкии, которую он покинул, должны были стать стимулами его обратного возвращения домой на расправу, производимую по усмотрению паста, но с обязательным дальнейшим оставлением в войкии.

Таким образом, ко всему сказанному выше мы должны сделать еще одно добавление: точная фиксация войкеев, как составляющих клер войкии, исполнена глубокого классового смысла. Возможность (почти невероятная в практике) наследования имущества вымершего рода должна была служить также приманкой для войкеев, как возможных наследников родового имущества в отдаленном будущем, должна была привязывать их к хозяевам войкии и заставлять служить их интересам. Одновременно, в случае бегства, войкой терял связи с войкией, он становился вне клера и, таким образом, терял все права, связанные с «войкией клера». Его уделом должно было стать беспрসветное рабство на положении покупного раба, переходящего из рук в руки, без какой-либо надежды на свое освобождение, хотя бы и в далеком будущем, и в отрыве от людей, среди которых он родился и вырос.

Конечно, необходимо при этом учитывать, что сохранение этого пункта закона о наследовании могло иметь силу только в тот период, когда родовые владения знати являлись действительно реальными отношениями в государстве, на основе которых сохранялось значение рода как экономической

эмгрантов из Гелопоннеса, которых в XVI в. турки поселили на территории земель мечети в качестве рабов землевладельца деребея Караджи-оглу. После смерти последнего потомка этого землевладельца, наследниками его имущества стали рабы, получившие тем самым свободу; они продолжали уплачивать мечети установленную норму натуральной оплаты за пользование землями. Ср. F. W. Hasluck, *Cyzicus, Cambridge*, 1910, стр. 149. Вполне возможно предположить здесь, как это думают Хазлан и Виллетс, пережитки старинных отношений, тем более, что эти отношения касаются храмовой земли, архаические формы хозяйства которой могли быть довольно устойчивыми.

единицы. С развитием в Гортине частной собственности на землю и рабов и товарного производства, позиции родовой знати были ослаблены, а затем и подорваны. Род, как экономическая и политическая организация господствующего класса в Гортине, был разрушен победоносным развитием частной собственности на землю. Родовые традиции сохранились теперь лишь в качестве пережитков среди торгово-землевладельческой знати, превратившейся фактически в олигархию богатых рабовладельческих семей. Соответственно с этим и войкеи превратились в частных рабов-кларотов, находящихся в собственности отдельных семей, которые продолжали именоваться войкиями (ойкиями), но представляли уже тесный круг членов семьи, не связанный с принадлежащими им рабами.

Именно эти реальные отношения более позднего времени и отражены у писателей, сохраненных у Афинея, в которых клароты названы рабами частных лиц. К этому времени представление о войкии как объединении, связанном своими корнями с рабовладением и землевладением рода, было уже полностью утеряно. Совершенно неизбежным процессом дальнейшего развития Гортиньбы был процесс распада войкии как древней формы экономического объединения, существующего внутри рода. Этот процесс распада привел прежде всего к обособлению отдельных семей в самостоятельную экономическую единицу, т. е. к частному землевладению семей, которые, хотя и продолжали называться войкиями (ойкиями и ойкосами), но представляли уже обычную семью, включавшую в лучшем случае три поколения: родителей супружеской пары, самих супругов и их детей. Одновременно и войкеи, когда-то составлявшие непременную часть войкии, стали теперь частью семейной собственности, как и земельный участок; из войкеев они превратились в кларотов, из эксплуатируемых членов семейно-родового объединения в частную собственность как семьи в целом, так и ее отдельных членов при разделе семейного имущества между детьми. Таким образом, превращение войкеев в кларотов¹ полно глубокого исторического смысла и отражает действительный ход экономического и политического развития форм землевладения и форм рабовладения.

---

¹ Кларот, как показывает его название, является принадлежностью клера, а не семьи, с которой его больше ничто не объединяет. Отношения становятся односторонними: частная собственность данной семьи на кларотов, связанных с клером, неотделима от полной собственности на клер и права его отчуждения, как и права отчуждения кларотов не только совместно с клером, но и отдельно от него.

